

знакомымъ человѣкомъ. Задумалъ человѣкъ этотъ отстать отъ полка; вѣдь тогда переходы-то были длинные, дорогъ желѣзныхъ не было, ну онъ поусталъ и задумалъ отстать; легъ среди убитыхъ, притворился мертвымъ и ждалъ ночи, чтобы встать незамѣтно и бѣжать. Вотъ лежитъ онъ, не спитъ, тоже, вѣдь, страшно на такое дѣло рѣшиться: и ночь настала, а онъ раздумываетъ, что теперь дѣлать, куда итти. И вотъ видитъ: не во снѣ, а на яву, съ высоты спускается лѣстница, и по этой лѣстницѣ сходятъ Спаситель и Божія Матерь! И стали убиенныхъ причащать! Спаситель съ сосудомъ въ рукахъ, а Божія Матерь идетъ за Нимъ, въ бѣломъ одѣяніи и Ликъ у Нея грустный... причащаютъ убиенныхъ воиновъ, его товарищей.

Солдаты такъ и обмеръ со страху: «Господи, думаетъ что же это такое, вѣдь это не сонъ, вѣдь это я на яву вижу!» Перекрестился, вскочилъ, да скорѣй бѣжать въ догонку за своимъ полкомъ! Радъ-радъ былъ, что догналъ, былъ во всѣхъ бояхъ до конца войны и остался живъ. И гдѣ бы онъ потомъ ни былъ, куда бы ни приходилъ — всѣмъ и всюду рассказывалъ, что онъ видѣлъ, когда лежалъ среди убитыхъ: видѣлъ своими глазами, не во снѣ, Спасителя и Божию Матерь, потому-то его такой и страхъ взялъ: всю жизнь не могъ забыть онъ этого видѣнія“.

Воистину Христось Воскресе изъ мертвыхъ смертію смерть поправъ.

Письма къ пастырямъ Уфимской епархіи.

VI.

Моя радость.

Переживая верѣдко огорченія при видѣ епархіальныхъ неустройствъ, я получаю по милости Божіей иногда и большую радость.—На этотъ разъ я и хочу подѣлиться радостью своею съ читателями тѣмъ болѣе, что пастыри, надѣюсь, вмѣстѣ со мною порадуются, а можетъ быть и поучатся кое-чему у тѣхъ, кого я здѣсь упомяну.

Однажды я выѣзжалъ неожиданно безъ маршрута въ русское село Шаранъ, Белебеерскаго уѣзда.—Со всѣхъ концовъ села народъ бѣжалъ въ храмъ для встрѣчи меня. Когда я входилъ въ храмъ, онъ былъ уже полонъ... А когда началось всенощное бдѣніе и когда я услышалъ звуки общаго пѣнія, я пережилъ минуты рѣдкостной радости. Представьте, что около двухсотъ дѣтокъ, а за ними и ихъ родители твердо, сознательно пѣли и псалмы, и праздничныя стихиры; положенныя по уставу! Пѣніе было безъ затяжекъ, безъ скучныхъ остановокъ; это было стройное, одушевленное общенародное, истинно-церковное пѣніе! Разумѣется, я остался и остаюсь глубоко благодаренъ отцу Іліи Леготину за его пастырскую ревность, за искреннее отношеніе къ пастырскому долгу своему.

— Но почему же нѣтъ ничего подобнаго въ ближайшихъ къ Шарану селахъ? Думается мнѣ, что тамъ нѣтъ умѣнія взяться за дѣло; можетъ—быть, здѣсь имѣеть значеніе и то, что пастыри не знаютъ, въ чемъ же—собственно говоря—дѣло заключается и какова цѣль его.

Цѣль общенароднаго пѣнія—великая! Богомолецъ при такомъ пѣніи не остается молчаливымъ, а поэтому часто и невнимательнымъ слушателемъ непонятныхъ ему богослужебныхъ пѣсноцѣній, а душою участвуетъ въ богослуженіи. Дѣти при этомъ пѣніи понемногу заучиваютъ и молитвы и стихиры наизусть; ихъ головы напоминаются если не святыми чувствами, то, по крайней мѣрѣ, святыми словами; а иначе у нихъ на умѣ остаются даже и въ храмѣ только шалости или нелѣпыя, или грѣховныя. При общемъ пѣніи вмѣстѣ съ дѣтьми и ихъ родители понемногу втягиваются въ сознательное участіе въ пѣніи при богослуженіи, особенно если нѣкоторыя стихиры исполняются съ канонархомъ. Богослуженіе становится при такой обстановкѣ для мірянина не чужимъ занятіемъ, а его собственной молитвою, въ которой онъ самъ сознательно участвуетъ. Такъ можно перевоспитать приходъ и сдѣлать его церковно-настроеннымъ, дѣйствительно умѣющимъ молиться и любящимъ церковь.

Таковы могутъ быть послѣдствія обще-народнаго пѣнія. И, повидимому, отецъ Ілія въ этомъ направленіи многого достигъ. Нужно только просить его, чтобы онъ научилъ бли-

жайшихъ своихъ сосѣдей — священниковъ этому обще-народному пѣнію. Это будетъ его большая миссіонерская заслуга, потому что въ такихъ ужасныхъ въ миссіонерскомъ отношеніи приходахъ, какъ Базгѣевскій, можно поправить дѣло церковное только организаціей общенароднаго пѣнія — русскаго и чувашскаго. Дай Богъ, чтобы это и было такъ. Вотъ источникъ первой моей радости.

Вторую радость я переживалъ при чтеніи одного благочинническаго отчета. Отецъ благочинный сообщаетъ о томъ, что за десять мѣсяцевъ сдѣлалъ въ своемъ приходѣ одинъ благочестивый священникъ. Приходъ былъ бѣднѣйшій и разстроенный во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ духовномъ. Никто въ этотъ приходъ не шелъ въ священники: и дома нѣтъ, и храмъ требуетъ ремонта, и прихожане — народъ безрелигіозный.. И вотъ въ это село попадаетъ во священники — отецъ Гавріилъ Громовъ. — О немъ и пишетъ благочинный:

„Истовое богослуженіе, всегда сопровождаемое живымъ словомъ пастыря, направленнымъ противъ замѣченныхъ недуговъ паствы, частыя личныя бесѣды съ тѣмъ или другимъ изъ прихожанъ, усиленная молитва духовнаго отца о заблудшихъ овцахъ своего стада, а также усиленныя заботы со стороны настоятеля о храмѣ, а о своихъ нуждахъ молчаніе, — все это возымѣло на приходъ самое благодѣтельное дѣйствіе: приходъ пробудился, открылъ глаза и со вниманіемъ сталъ относиться къ своему новому пастырю, сталъ прислушиваться къ его сердечному, теплomu голосу и сталъ мало-по-малу проявлять интересъ къ духовной жизни. Что приходъ проснулся, это прежде всего видно изъ того, что богослуженія прежде посѣщали почти только женщины, (мужчины почти вовсе не ходили въ церковь), а теперь храмъ полонъ богомольцами — и мужчинами. Затѣмъ прихожане начали приглашать своего пастыря по домамъ отслужить молебны, принося изъ храма соотвѣтствующую икону. Прежде при встрѣчѣ со священникомъ многіе не хотѣли предъ нимъ „ломать шапки“; теперь безъ исключенія всѣ при встрѣчѣ съ батюшкою почтительно ему кланяются. — И все это потому, какъ пишетъ благочинный, — что свящ. Громовъ съ перваго шага подкупилъ прихожанъ въ свою пользу: поступивъ въ приходъ, онъ прежде всего твердо рѣшился послу-

жить въ немъ съ усердіемъ, а предшественники его прежде всего думали о побѣгѣ изъ прихода—въ лучшій приходъ. О своихъ нуждахъ о. Громовъ молчитъ: домъ требуетъ ремонта у него, а онъ ни полъ—слова! А предшественники съ дома начинали и безуспѣшно; теперь же прихожане сами уже заговорили о помощи своему любимому батюшкѣ“.

Вотъ вторая моя великая радость. Благодарю за нее добраго пастыря—отца Гавріила.

И еще у меня радость.—Осенью 1914 года мнѣ пришлось быть въ Кусинскомъ заводѣ, освящать великолѣпный трехпрестольный храмъ. Храмъ—прекрасный! А богослуженіе было не очень прекрасное... И уставность плохая и пѣніе—еще хуже въ смыслѣ нецерковности. Я просилъ настоятеля исправить эти недостатки. Онъ обѣщаль. И теперь я слышу, что въ этомъ храмѣ совсѣмъ хорошее богослуженіе, что пѣвчіе поютъ скромно, церковно, что исполняютъ приблизительно все требуемое уставомъ и что введенъ обиходъ вмѣсто отвратительныхъ выкриковъ... Однимъ словомъ, обѣщаніе мнѣ данное исполнено; желаніе поставить хорошо богослужебный чинъ—несомнѣнно. И богомольцы даже раскольники, стали посѣщать благолѣпное богослуженіе... Теперь нужно еще и умѣніе, нужно знать хорошо Типиконъ... Вѣрю, что и знаніе это придетъ, было бы желаніе служить Богу искренне и съ любовью.

Вотъ мои радости...

Епископъ Андрей.

О дѣйствительной причинѣ упадка школьной религіозности.

(По поводу статей по этому вопросу въ журналѣ „Законоучитель“ 1914 года. Издается въ г. Житомирѣ).

Журналъ „Законоучитель“—первый въ Россіи журналъ, посвященный специально дѣлу законоучительства въ свѣтской школѣ. Появленіе подобнаго журнала, какъ нельзя болѣе, своевременно. Нужда въ немъ давно уже чувствовалась всѣми, имѣвшими дѣло съ вопросами религіознаго обученія и воспитанія нашего молодого поколѣнія.